О «рывке», «клевке» и нырке

От редакции.
Читатель журнала «КАЛАШНИКОВ» охотник Г. И. Павлов из Омска обратился в редакцию с просьбой пояснить такую встречаемую на утиной охоте ситуацию, когда верный выстрел, произведённый по сидящему на воде нырку, часто оказывается промахом. Утка успевает нырнуть в воду за мгновенье до того, как будет накрыта дробовой осыпью. Читатель интересуется этим вопросом в связи с публикацией в журнале «Ружьё» № 4/2002 статьи А. Чикина под заглавием «Как объегорить нырка». Ответить Г. И. Павлову на его просьбу и прокомментировать этот вопрос мы попросили главного охотоведа комитета по охотничьему хозяйству Ленинградской области в 1992-1998 гг. (ныне Леноблохотуправление) Валентину Григорьевну Норейка.

Валентина Норейка

«Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий».

Козьма Прутков,
«Мысли и афоризмы», № 66.

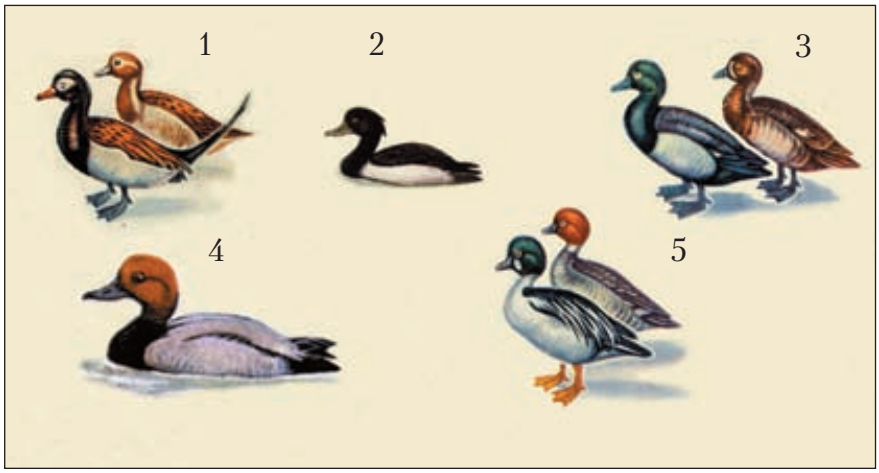
Действительно, в охотничьей практике известен своего рода феномен, связанный с низкой эффективностью дробового выстрела по сидящим на воде некоторым видам так называемых морских или нырковых уток (морянка, хохлатая чернеть, морская чернеть, нырок красноголовый, гоголь и др.), особенно на дальних или околопредельных дистанциях стрельбы. Многим охотникам знакомы курьёзные случаи, когда при доборе легко зараненной птицы тратится десяток-другой патронов – и всё впустую. Ещё в 1928 году истинный знаток российских охот В. Н. Каверзнев писал, что «суеверные люди бывают готовы приписать это колдовству или нечистой силе». По существу вопроса неоднократно возникали дискуссии, а результаты обсуждений нашли освещение в популярных охотничьих изданиях.

Одной из объективных причин затруднённой стрельбы по нырку является глубокая посадка тела птицы в воду и малые размеры площади её поражения, которая составляет обычно 50-70 см^2. Даже при небольшой волне она становится ещё меньше. Поэтому, если при выстреле нырок и не успевает уйти под воду до подлёта снаряда дроби, всё же вероятность его поражения четырьмя-пятью дробинами соответствующего номера даже при хорошем бое ружья весьма мала. Хотя известны результаты стрельб с использованием патронов «магнум» 12-го калибра со снарядом дроби № 5 массой 46-52 г, свидетельствующие о том, что обнос фигуры нырка дробью на дистанции до 45 метров чаще всего исключён.

Всё-таки наиболее «загадочными», по-видимому, являются те ситуации, при которых нырок буквально во время стрельбы исчезает под воду до накрытия его осыпью дроби. Для объяснения этого явления разными авторами было выдвинуто несколько предположений. Одни склонны считать, что нырок успевает среагировать на звуки от удара курка ружья по бойку и на хлопок от воспламенения капсюльного состава патрона. Такое представляется маловероятным, так как эти процессы слишком тесно слиты в единый звуковой эффект выстрела, чтобы их выделить, сориентироваться и успеть скрыться. Согласно другой версии, мгновенная реакция нырка происходит на вылет пороховых газов из ствола ружья в виде облачка дыма и всплеска пламени, то есть она протекает по каналу зрительного анализатора. Очевидно, возникновение у настороженной птицы ориентировочных и двигательных реакций обуславливается воздействием на её органы чувств суммарного светозвукового эффекта выстрела – пламени, дыма, а также звука, волна которого при стрельбе на большие расстояния значительно опережает по времени подлёт дроби до цели. Немаловажное значение здесь имеет и присущий только нырку способ ныряния при возникающей опасности. В этом случае, в отличие от ныряния за кормом, он погружается в воду не через голову, а при помощи взмаха крыльев, мгновенно «вдавливая» тело под воду, вытянув горизонтально шею и голову также уже под слоем воды. Так или иначе, многие неопытные охотники часто оказываются в положении, когда, увлекшись безуспешной стрельбой по ясно наблюдаемой ими цели, опустошают патронташ и прекращают охоту. Бывалый же охотник после первого неудачного выстрела второй раз стреляет в момент выныривания птицы на поверхность или отвлекает её внимание другим способом и, как правило, с двух-трёх выстрелов берёт дичь. Так что в этой охоте ничего особо необычного нет, поскольку и тут выручает смекалка охотника.

Выдвинутая А. Чикиным версия о том, что нырок реагирует на «проваливание» или «клевок» ствола ружья при выстреле, возникающих вследствие рефлекторных реакций теперь уже не нырка, а охотника, ставит всё с ног на голову и, на наш взгляд, глубоко ошибочна. В этом легко убедиться. Достаточно, находясь в лодке в изготовке для стрельбы стоя, на убойной дистанции, начинать размахивать стволами направленного на дичь ружья или имитировать их «проваливание», чтобы увидеть, что она попросту не реагирует на эти «фокусы» охотника, кроме как на собственно стрельбу или попытку приближения к ней. Автор же по этому поводу пишет следующее: «...они...реагируют вовсе не на звуки, которые являются для них всего лишь малозначительным фоном, а на резкий выпад охотника в их сторону, предшествующий самому выстрелу». По мнению А. Чикина, нырки просто видят «рывок» охотника, предшествующий выстрелу, в свою сторону и ныряют, мгновенно отреагировав на этот рывок». Возникает правомерный вопрос – откуда берётся этот «резкий выпад», а также «рывок охотника» в их сторону? И как в такой ситуации охотник умудряется оставаться в лодке на ногах и не упасть в воду (вместе

Нырковые утки с быстро сокращающейся численностью. Слева савка, справа – нырок Бэра. Эти виды занесены в Красную книгу РФ, охота на них запрещена



Наиболее многочисленные виды нырковых уток, охота на которых разрешена: морянка (саук) (1), хохлатая чернеть (2), морская чернеть (3), красноголовый нырок (4), гоголь обыкновенный (5)

с нырком), особенно при осечке патрона, потому что, как пишет автор, «...за какое-то мгновение до выстрела я проваливаюсь всем корпусом вперёд и компенсирую тем самым отдачу оружия». Далее: «...но адреналин в крови...» мешает замечать это «проваливание». В действительности «проваливание» перед выстрелом в подавляющем большинстве случаев является причиной неточной стрельбы по любой цели. Несостоятельна точка зрения автора и относительно причин, якобы вызывающих эти «проваливания». По его версии оказывается, что «...профессиональные стрелки-спортсмены именно тем и заняты, что, несмотря на рефлекторность и неосознанность своих реакций, пытаются в них разобраться и скорректировать их в лучшую сторону» и что «только тогда можно ожидать хороших результатов». Такое утверждение, правда, несколько смягчает признание автора в том, что на стенде он стрелял лишь однажды. Мне же, как биологу-охотоведу и бывшему стрелку даже только первого спортивного разряда, легко понять, что в этом вопросе автор, мягко говоря, заблуждается и слабо представляет сенсомоторную структуру навыка стрельбы, а точнее, одного из важнейших элементов техники стрельбы – спуска курка. Но пишет об этом как понимает и такое заблуждение простительно, как простительно заблуждаться человеку вообще. Важно другое – как отнесутся и что скажут действительно профессиональные стрелки-спортсмены, будь то чемпионка мира Елена Ткач из Воронежа или олимпийский чемпион Дмитрий Монаков с Украины, о таком абсурдном утверждении А. Чикина, что они только тем и заняты, чтобы разобраться в своих неосознанных и рефлекторных реакциях «и скорректировать их в лучшую сторону». Право автора иметь собственное, даже самое «оригинальное» мнение по любому тематическому вопросу, обсуждаемому в специализированном периодическом издании, не оспаривается. Но ведь и редакциям журналов пенять на то, что их мнение может не совпадать с взглядами автора малоутешительно и не всегда полезно для формирования объективных представлений и понятий у читателя.

Особенности образования у части молодых стрелков и охотников защитных («оборонительных») условных рефлексов в процессе формирования стрелковых умений и навыков, как и причины появления «дёрганья» за спусковой крючок, подробно рассмотрены в статье «Обработка спуска» в № 3/2002 журнала «КАЛАШНИКОВ» и возвращаться к этому не имеет смысла. Проблема возникновения негативных рефлекторных, как эмоциональных, так и двигательных реакций, здесь, бесспорно, существует, однако она значительно сложнее, глубже и деликатнее, что ли, чем изложенные А. Чикиным представления. И, естественно, эти рефлексы на высших уровнях мастерства как спортивной, так и охотничьей стрельбы отсутствуют. Ведь по определению стрелок – «лицо, обученное стрельбе из стрелкового оружия» (ВЭС, М., 1983). Обученный стрельбе человек никаких «проваливаний» и «клевков» стволом не допускает. В этом заключается существенная и принципиальная разница между стрелком и не стрелком, а просто «постреливающим» человеком. Стрельба, в том числе и охотничья, – это искусство, где природные дарования и способности человека тесно переплетаются с тренировкой, овладением техникой стрельбы и воспитанием специальных качеств стрелка. Охотник должен постепенно научиться преодолевать негативные влияния стресса и охотничьего азарта на эффективность стрельбы. Но если дело обстоит так, что, как пишет автор, каждый раз во время стрельбы у него происходит «проваливание всем корпусом вперёд» – даже тренировки могут оказаться бессильными что-либо исправить. В таких случаях люди чаще всего меняют род занятий или увлечений.

Поэтому нашему читателю можно определённо ответить – изложенная в статье «Как объегорить нырка» концепция навеяна догадками, граничащими с вымыслом, и в основе своей не соответствует реальной действительности. Тем более что нырки, по словам автора, «простодушны, глупы и доверчивы». Познав эти особенности характера и поведения птиц, он и вовсе перестал на них охотиться, что можно только приветствовать – численность водоплавающих повсеместно снижается, а некоторые их виды, например, нырок Бэра и савка уже давно занесены в Красную книгу Российской Федерации.

Что же касается «занятости» профессиональных стрелков, то эти вопросы лучше оставить решать самим спортсменам и их тренерам, а развитие частной дидактики стрельбы – педагогам и учёным.